

Родился в Виннице (Украина). В юности писал стихи от случая к случаю, потом был перерыв более 25 лет. Окончательно заболел поэзией в 2006 году, начал писать часто и много, зарегистрировался на портале Стихи.ру, но, не будучи удовлетворённым порядками сайта, в этом же году создал свой литературный портал «Графоманов.НЕТ».

Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2008 года, подборка стихов опубликована в соответствующем сборнике, Лауреат конкурсов им. Л. Лосева журнала «Чайка» (Вашингтон) — первое место в 2008 году и второе в 2010 г. с публикацией подборок в журнале. Есть публикации в различных альманахах и сборниках.

Член Союза журналистов Украины.

Основной вид деятельности — медицина. Врач в собственном частном медицинском Центре в Одессе. Автор книг по теории медицины.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

В анфиладах палат полумёртвый мерцающий свет.
Отделение смертников. Страшно. Преддверие ада.
Я обычный интерн. Первогодка. И только бравада
Помогает мне ждать затянувшийся зимний рассвет.
Гулким эхом разносится звук полуночных шагов,
Душный воздух палат пропитался отчаянным страхом.
Здесь больные тела ежедневно становятся прахом
И уходят досрочно в сиянье иных берегов...
В боковом коридорчике шёпот, и дверь в кабинет
Приоткрыта чуть-чуть. Ну и что там? Пора поругаться.
Это что за...

Осёкся.

Девчонка.

Пятнадцать?

Семнадцать?

И дрожит, как в ознобе, неясный её силуэт.

Не заметила. Молится. Перед огарком свечи

В белоснежной рубашке до пят, точно в постриг монашка,

И худые лопатки, как крылья, топорщат рубашку...

Прерывается всхлипами шёпот в безумной ночи:

— Бог, я правда умру?!

Значит, правда. Ответа не жду...

Ты прости меня, я ведь не знаю, как надо молиться.

Я устала от боли, тоски и сочувствия в лицах,

И от запаха смерти в моём повседневном аду.

Бог, скажи, почему?!

Ну, за что ты меня наказал?!!

Ведь не только меня, но и маму мою, и братишку.

Обещай, что подарят ему крокодила и мишку,

Чтобы счастьем светились его озорные глаза.

Да и маме бы замуж...

Ой, кто здесь, — вскочила, боса,

— Ты подслушивал, что ли, как я...как молиться пыталась?

— Не волнуйся, я доктор. Услышал, но самую малость,

Ты ложилась бы, девочка! Поздно, четыре часа..

Под глазами круги и растресканных губ белизна,

Синяки от уколов, больное отчаянье взгляда...

— Поцелуй меня, док! Нет, постой! Пожалеешь... Не надо...

Лучше дай закурить, пусть хоть в чём-нибудь буду грешна...

Мы курили и кашляли, молча взирая в окно,
Поражаясь величию звёзд и красе мироздания...
— Я, пожалуй, пойду...Нет, не надо. Сама.

До свиданья.

Или...

Лучше, прощай.

Я тебя не дождусь, всё равно...

Я, сменившись наутро, застрял в затрапезном кафе

И вливал в себя водку, давясь, но ничуть не хмелея.

Только губы стояли в глазах, анемично белея,

И слова на салфетке сплетались в нелепой строфе...

Через сутки, изрядно помятый и навеселе,

Я, поймав за рукав пробежавшего мимо мальчишку,

На последние деньги купил крокодила и мишку.

Пусть хоть кто-нибудь станет счастливым на этой земле...

РАССТРЕЛЬНЫЙ ВЗВОД

Я везу его в лес.

Я сегодня его расстреляю.

Всех бы дел — довести до ручья и скомандовать: «Пли!»

Только ветер и дождь, и трясёт как в разбитом трамвае,

Видно Богу угодно, чтоб все мы назавтра слегли.

Под колёсами грязь, да разверзты небесные хляби,

Дождь по спинам течёт, и обмотки промокли насквозь.

Нет бы, взять, переждать, только вечно торопятся в штабе,

Испугавшись, чтоб вновь приговор отменять не пришлось.

Смотрят зло пацаны — мы опять не успели на завтрак.

Инженер, его мать!..

Перепутал какой-то чертёж.

Он же просто старик. Пятьдесят ему было бы... Завтра.

Но не будет уже. Трибуналу, увы, невтерпёж.

Вот уже и ручей. Перелесок у самой дороги.

Россыпь стреляных гильз да бурьяном заросший большак.

Все попрыгали вниз, разминая затёкшие ноги,

Матерясь и куря, самокрутки попрятав в кулак.

Снял бушлат арестант, и, присев возле края оврага,

Он стащил сапоги, улыбаясь, как будто во сне,

Аккуратно сложив, неуверенно сделав два шага,

— Я готов, — произнёс, по привычке поправив пенсне.

— Дед, ты спятил? Уймись! Без обувки в такую-то пору!

Взвод солдат онемел. Даже ветер испуганно стих.
— Мне они ни к чему, а кому-то из вас будут впору.
Вам обратно ещё, ну а я... Как-нибудь и без них.

...Мы теряем себя, выполняя тупые приказы,
Разбиваясь о риф, как попавшие в шторм корабли.
Боги вечно глухи, а фемиды обычно безглазы...
Я отдал ему честь...
А ребятам скомандовал: «Пли!»
На обратном пути я глотал то ли дождь, то ли слёзы,
Вспоминая, как он улыбался, раздет и разут
У обрыва судьбы, у израненной старой берёзы...

.....

Я не знал, что меня завтра в этот же лес повезут.

ГОРЬКОЕ

Ну, вот и всё. Последняя обновка. Простой кусок хозяйственного мыла. Теперь комплект — пеньковая верёвка, крюк, табурет и.... сердце вдруг заныло. Бумага, карандаш, свеча и водка. Плесну в стакан, глоток, другой, затяжка... Кричать? Рыдать? Я пел, а вышло вот как...

...Худящая облезлая дворняжка завывала за окном, предвосхищая... Иди ко мне, бродяга. Хочешь сыра? Теперь мы оба изгнаны из стаи и лишены любви большого мира...

...Свеча мигает, плачет стеарином, плевать мне — ночь ли, утро, поздно ль, рано... Споём, Дружок? И сколько ни ори нам, мы будем выть — фальшиво, горько, пьяно... Два пса, два неудавшихся поэта, кудлаты, неприютны и бесполы... И дружный звук охрипшего дуэта закончится моим тоскливым соло...

...А что писать? Кому? А кто-то вспомнит? Вот, сука-жизнь, бездарна и бескрыла! Уйду я гулким эхом пыльных комнат из этой яви, тусклой и унылой, в угрюмый зев бездонного колодца, в безрадостную тьму ночного мрака...

...Так гулко чьё-то сердце рядом бьётся... А, это ты, несчастная собака. Ты знаешь, боль в душе сильнее, чем в теле. Горит и жжёт, затравленная ядом... Мы как-то вдруг с тобой осиротели, и оба не нужны всем тем, кто рядом. Похоже, нас покинула удача, до точки израсходована квота. И я сижу с тобой, курю и плачу, а ты хвостом виляешь...

Ждёшь чего-то.

Портрет луны завис в оконной раме, и ветерок свистит в разбитых стёклах...

А может, прогуляемся дворами?

Давай пройдемся, вечер нынче тёплый...

ПИСЬМО МАМЕ В НИКУДА

Ма, ты снилась мне сегодня.

Так тепло...

Будто в детстве — беззаботность и покой.

Словно время навсегда не отсекло

Ваши жизни беспощадною рукой.

Испекли в костре картошку как тогда,

Квас домашний — чуть с кислинкой и хмельной...

Ты красива и, как прежде, молода

И зовёшься не вдовою, а женой...

Память-память... Сохранить бы каждый бит...

Как со Светкой целовался за крыльцом,

Не жалея, что под вечер буду бит,

Благородству научаемый отцом...

Как на льдинах мы тонули по весне

И встречали свой рассвет на выпускном...

Мы увиделись, родная...

Пусть во сне.

Буду жить теперь неделю этим сном.

В горле ком от этих грустных ясных глаз,

И предательски слеза туманит взгляд...

Знаешь, ма, я скоро стану старше вас.

Если стану...

Кто там знает весь расклад...

Ты прости меня, родная, не кори,

Что нескромен и несдержан... Не со зла.

И на кладбище я не был года три,

Всё какие-то проблемы да дела...

Не казни меня, родная, за грехи.

Их и так мне бесконечно искупать...

Не поверишь, я теперь пишу стихи.

Есть читатели. Ну, где-то двадцать пять.

Каждый день свою зарубку на часах
Оставляет...
Все зазубрены года...
Серебра — полным-полно. Но в волосах.
А в карманах так же пусто, как всегда.
На работе всё в порядке. И в семье.
Да и дети оперились. Молодёжь...
Скажут — умер — ерунда, не верь молве!
Буду жив!
Покуда ты не позовёшь...

БРОКЕР

Бесконечное аллегро, адский бег крысиных гонок, остановка на минуту — отставанье на три года... Рвутся жилы... Рвутся плёнки барабанных перепонок. От восхода до заката... От заката до восхода... Тишина — подарок свыше, и бывает крайне редко. Свежий воздух — на балконе. Да и тот — не то, чтоб очень, а по-быстрому испорчен долгожданной сигареткой, гнусным запахом асфальта, смрадом дизельным испорчен.

Каждый день одна проблема — истязать анализатор — котировки, дЕбет-кредит, ставки, фьючерсы, проценты, глаз отслеживает строки, мозг врубает калькулятор, и текут в копилку счастья евро, доллары и центы. Есть шикарная машина, есть квартира, дом и дача, и лежат дрова сухие в нерастопленном камине. Каждый день рука на пульсе, и удача за удачей, больше, больше, больше, больше, только счастья и в помине нет, и видимо, не будет, Может, где-то и промчитя, отследить не успеваю, на него сноровки нету, сердце кровью истекает, бьётся раненою птицей от восхода до заката... От заката до рассвета...

С покрасневшими глазами целый день у монитора, весь небритый, точно кактус, и растрёпан, словно веник, но в костюме от Армани и рубашке от Диора. Больше денег! Больше денег! Больше денег! Больше денег!

Чувств обломки завалились где-то в мусорной корзине, календарь летит быстрее, чем минуты — год за годом. На машине на работу и с работы на машине. От восхода до заката... От заката до восхода... Но, порой, по нервам (током) ломанут воспоминанья про стихи, про наши встречи... Как любили и дружили... Про костёр, гитару, песни, про разлуки и свиданья, про любовь...

И тихо Градский: «Жил был я»...

- Вот только жил ли?

Я ЛАСКАЮ ТЕБЯ...

...Я ласкаю тебя губами, я терзаю тебя словами. Ты опять убегаешь к маме, точно так же, как раньше. Раньше... Говоришь мне, что я обманщик, а на мне уже шрам на шраме. Лбом прижавшись к оконной раме, я хочу убежать дворами. Пусть никто меня не отыщет, да, таких до хрена и тыщи, от провинции до столицы, от Урюпинска до Европы, а таких как ты — единицы, ты бы запросто вышла в топы самых красочных из журналов — не в Париже, так хоть в Панаме, нет таких, или есть, но мало, только ты убегаешь к маме...

...Я тебе не отец, не отчим, не любовник, не муж — прохожий, на таких же других похожий, хоть и лучше их, между прочим. И талантливей, и нежнее, и скромнее на общем фоне, только жаль, для тебя важнее те, кто прячутся в телефоне. Те, кому ты звонишь ночами сумасшедшим своим контральто, за чугунными их плечами разглядев Таиланд и Мальту.

...Я ныряю в похмелье сплина, ай да водка — смешная штука. Зацвела за окном калина, и засохла в горшочке юкка, кот терзает бока дивана и бурлит, как титан на даче. Мы с тобою — и это странно. Мы не вместе — а как иначе? У тебя в понедельник тренинг, ты во вторник идёшь на пьянку. Сам с собою, как шизофреник, я общаюсь и пью клюквянку. На столе суррогат веселья и гора сигаретных тушек. Это терпко-хмельное зелье не даёт мне слететь с катушек.

...Ты ворвёшься однажды шквалом, похотливой и сладкой сукой, сбросишь на пол стихи, журналы и завалишь меня под южкой, выпьешь досуха, выгнув тело, задрожав в пароксизме страсти, в келье пыльной и запустелой разрывая меня на части, заплетая в кочки нервы и впиваясь в меня ногтями... Этот раз, он опять как первый. А на мне уже шрам на шраме. А на сердце сплетенье боли, и стигматы кровят уныло. Я хотел бы сбежать на волю, но зачем мне она, доколе нам с тобой так прекрасно... Было...

НОЯБРЬСКОЕ

...Состояние типа «гrogги», голова как котёл пуста, неудобно замёрзли ноги, словно свешенные с креста. Я распят на своей постели, ломит болью внизу спины. Мне бы в Африку, в самом деле, там теплее и там слоны. Но в ноябрьском сыром болоте в лужах плавают вата туч. Я валяюсь, почти бесплотен, обесточен, ленив, дремуч. Настроение словно в сказке — тем страшнее, чем дальше в лес. Не

хватает ружья и каски. И программы КПСС. А снаружи мороз и слякоть, незадачливая капель, прутья ивы покрыты лаком, как не-
сладкая карамель. На сосульках осела сажа, грязи месиво на земле.
Я сегодня уже не важен, как засохший вчерашний хлеб. Актуаль-
ность уборки в доме отступает на задний план. Я лежу в неземной
истоме, может, умер, а может, пьян, изнывая в пустой надежде на
пока что далёкий март. Я уверен, он будет прежде, чем какой-ни-
будь там инфаркт. Прямо в окна глядят биллборды как осенние
миражи, на биллбордах всё те же морды, что мешают нормально
жить, олигархи и с ними иже в золотые зовут века, и стекает гни-
лая жижа по линиялым тугим щекам. Сквозь застиранный грязный
колор солнце даже не светит — лень. Разменяю последний доллар
(что отложен на чёрный день) на помятую целлюлозу, вожделен-
ный предмет мечты...

Жаль, не хватит тебе на розу. Я попроще куплю цветы...